

„О матеріальной, а не формальной правдѣ“ и „О широкомъ просторѣ усмотрѣнія суда“ въ проектѣ объ обязательствахъ.

(Докладъ члена Общества Л. С. Гольденвейзера, читанный въ собраніи Общества 23 октября 1899 года).

Въ § V Введенія, предпосланнаго „Объясненіямъ“ къ проекту объ обязательствахъ Редакціонная коммисія выставляетъ четыре основ-ныхъ положенія, какъ начала, положенныя ею въ основаніе проекта. Въ числѣ этихъ началъ, второе и третье, какъ неразрывно связанныя между собою, и составятъ предметъ моего доклада,

Законъ, по словамъ составителей проекта, долженъ стремиться къ достиженію *матеріальной, а не формальной правды*, и тотъ же законъ долженъ предоставить *широкій просторъ усмотрѣнію суда*.

Оба эти положенія, прежде всего, съ вѣшной стороны надлежитъ признать крайне неудачными. Что значитъ: правда формальная и правда матеріальная? Вѣдь правда есть только одна: формальная правда есть неправда. Законъ же можетъ быть только формаленъ, ибо пониманіе его и толкованіе его смысла и содержанія строго обусловливаются его формою, не оставляя мѣста никакимъ догадкамъ и предположеніямъ. Матеріальная правда въ законѣ обусловливается его формализмомъ и единообразіемъ примѣненія.

Столь же неудачно съ вѣшной стороны и другое выставленное начало закона: вѣдь, широкий просторъ усмотрѣнія суда исключаетъ *надобность въ законѣ*. Къ чему же *составители проекта написали* 1106 статей однихъ законовъ объ обязательствахъ, когда у суда еще остался широкий просторъ усмотрѣнія?

Но не будемъ спорить о словахъ. Если бы составители въ заголовкѣ § V Введенія говорили не объ основныхъ началахъ закона, а о *цѣляхъ*, которыхъ они стремились достигнуть своимъ проектомъ, а также о широкомъ просторѣ усмотрѣнія суда при квалификаціи дѣйствительныхъ отношеній сторонъ и въ оцѣнкѣ доказательствъ, то несоотвѣтствіе между заглавіемъ и содержаніемъ этой главы не порождало бы того недоумѣнія, которое порождаетъ оно теперь у читателя.

Прежде, чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію того, насколько сами составители проекта слѣдовали провозглашеннымъ ими принципамъ, которые, съ моей точки зрѣнія, къ счастью очень мало вліяли на самое содержаніе проекта, я считаю пужнымъ остановиться вообще на вопросѣ о формализмѣ, какъ въ законѣ, такъ въ особенностяхъ па судѣ, законъ этотъ примѣняющемъ къ людскимъ отношеніямъ и гражданскому обороту.

Основныя требованія, предъявляемыя ко всякому закону, это—чтобы онъ былъ ясенъ, точенъ, единообразенъ и равенъ для всѣхъ. Это же достигается только строгою формулировкой, не допускающею никакихъ недомолвокъ.

Составители проекта выставили, между прочимъ, въ числѣ своихъ принциповъ и такой, что законъ долженъ быть справедливъ. Думается мнѣ, что это выраженіе совершенно неудачно. Справедливость выше закона; она зиждется на внутреннемъ чувствѣ человѣка, а не на писанныхъ постановленіяхъ. Справедливость въ этомъ смыслѣ примѣнима лишь къ судѣ, но никакъ не къ закону. У закона есть одна справедливость: онъ долженъ быть для всѣхъ одинаковъ. Осуществленіе же этой его справедливости возможно только при строгомъ формализмѣ. Возьмемъ законы природы, которые для всѣхъ одинаковы, напр. законъ тяжести. Но можемъ-ли мы говорить, что законъ этотъ справедливъ, когда тяжесть помогаетъ человѣку, и несправедливъ, когда она раздавливаетъ человѣка? Вѣдь то же самое и въ законахъ гражданскихъ: одно и то же постановленіе бываетъ и справедливо и несправедливо: взысканіе долга съ имущаго есть справедливость, взысканіе же съ неимущаго—есть зло.

Итакъ, я думаю, что вмѣсто неудачнаго и даже опаснаго принципа о справедливости закона, составители поступили бы правильнѣе, провозгласивъ строгій принципъ формализма закона, „не взирающаго ни на какихъ особъ“.

Тѣ же разсужденія должны быть примѣнены и къ суду, толкующему и примѣняющему законъ.

Не только о полезности, но и полной необходимости законовъ для человѣческихъ обществъ говорить не приходится. Но что же за значеніе могутъ имѣть эти законы, если судья будетъ въ правѣ и толковать и примѣнять ихъ по своему усмотрѣнію?—вѣдь, тогда законодателемъ будетъ судья и не къ чему писать законы.

Отсутствіе формализма у судьи было еще, пожалуй, возможно тогда, когда былъ лишь одинъ судья. Соломонъ и Людовикъ Святой могли быть и законодателями и судьями, но не потому что смѣшеніе этихъ двухъ функцій возможно, а потому что одинъ и тотъ же человѣкъ могъ быть однообразенъ и въ созданіи закона и въ строгомъ примѣненіи его. Но каково было бы современное государство, въ которомъ тысячи судей одновременно засѣдаютъ и регулируютъ отношенія гражданъ, если бы имъ были присвоены права Соломона? Я полагаю, что единообразіе и связанный съ нимъ формализмъ суда въ примѣненіи единообразныхъ законовъ есть признакъ культуры, малѣйшее же отступленіе отъ него есть шагъ назадъ.

Истинная справедливость у человѣчества будетъ тогда достигнута, когда у него не будетъ разныхъ кодексовъ и когда всѣ люди будутъ имѣть одинаковые гражданскіе законы.

Сколь опасно отступленіе отъ строгаго формализма судьи въ единообразномъ примѣненіи законовъ и въ свободномъ ихъ толкованіи, мы можемъ усмотрѣть въ исторіи нашихъ судовъ за послѣдніе годы. Составители проекта говорятъ, что „однимъ изъ существенныхъ недостатковъ дѣйствующаго закона является его крайній формализмъ“. Но они не говорятъ о томъ, что устраненіе этого формализма уже началось и происходитъ оно не законодательнымъ путемъ, а путемъ толкованія этихъ законовъ нерѣдко въ смыслѣ діаметрально противоположномъ ихъ содержанію. Сами они указываютъ, напр., что нашъ теперешній законъ очень строгъ къ формѣ договора, что онъ строго ограничиваетъ доказательства на судѣ. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Закладная на недвижимое имущество есть строго формальный письменный актъ, но въ настоящее время можно спорить о ея безденежности, прибѣгалъ ко всякимъ доказательствамъ, не исключая свидѣтельскихъ показаній; таково рѣшеніе Сената 1888 г. за № 70. Далѣе, цѣлый рядъ рѣшеній допускаетъ споры о безденежности векселей. Заемъ по закону требуетъ непременно письменной формы, но